

А С С О Л Ь

НАД НИМИ ВЛАСТВОВАЛО
ПРАВО ГОЛОДНЫХ

КСЕНИЯ

РОМАН

Ксения Зарецкая

Ассоль

«Автор»

2026

Зарецкая К.

Ассоль / К. Зарецкая — «Автор», 2026

Ассоль Добровольская знала, что начинать отношения с Женей Данченко — плохая затея. Однако она бедна: вынуждена заботиться о парализованной сестре, едва наскребает на оплату квартиры, совмещает несколько работ, а Женя так безалаберен, что вряд ли заметит пропавшие из кошелька деньги.

© Зарецкая К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ксения Зарецкая

Ассоль

Глава 1

– Ты уверена? – Ассоль в последний раз задала себе этот пугающий вопрос. Она боялась поднять взгляд и потому осматривала пространство, пытаясь хоть так справиться с волнением. Комната, состоящая из зеркал и мрамора, ей не нравилась: слишком резкое освещение и слишком гулкая пустота, но это было единственное место, которое не заняли блюющие в унитаз девчонки в коротких платьях, ссущие в раковину парни со спущенными до колен штанами, и парочки, которые едва ли успели узнать имена друг друга, прежде чем начать совокупление. Типичная университетская вечеринка. Она видала вещи и пострашнее. И всё же в этом конкретном вечере было кое-что особенное. Она – Ассоль Добровольская – решила расстаться с остатками своей совести.

Экран телефона мигнул, показывая, что пришло новое сообщение.

«Тебя ждать?», – гласил текст в маленьком окошке, а Ассоль будто ударили в живот тяжёлым армейским ботинком – она точно знала, как это ощущается. Из лёгких пропал весь кислород, а в ушах громко-громко застучала кровь, перекрывая техно, которое она ненавидела. Хоть какие-то плюсы.

«Иди спать», – быстро отстучала ответ, разочарованно вздохнула из-за маникюра, который явно нуждался в том, чтобы его переделали: красный лак был наполовину сгрызен, а на указательном пальце правой руки ноготь и вовсе отломался. Ничего. Ничего, она всё поправит. Ей просто надо немного времени. Времени и удачи.

Ассоль запихнула телефон в маленькую сумку, внутренняя отделка которой порвалась в нескольких местах, и достала красную помаду от Chanel – единственная её брендовая вещь. Ради того, чтобы купить её, она три ночи подряд подрабатывала в клубе. Танцевала, будто в последний раз, улыбалась молодым и старым мужчинам, пила, что они давали, смеялась, когда её хлопали по заднице и гладили по коленям. Смирненно опускала голову, когда ей потными руками выдавали зарплату – новенькие зелёные купюры, которые пахли вкусной едой и её падением. О последнем она предпочитала не думать.

Помада делала Ассоль уверенной. Она помнила, как мама, когда красилась, говорила ей, ещё совсем маленькой: «Губы – главное, что есть в женщине. Из них вылетают просьбы и проклятия. К ним должно быть приковано всё внимание. Не к глазам, мужчины по ним читать не умеют. К губам».

Маме Chanel дарили поклонники, которые приходили только во время папиных командировок. Мама налиwała вино в стопки, улыбалась им нежно и ласково, а смеялась всегда так, чтобы были видны ровные белые зубы, на которые она потратила кучу денег. Мама казалась счастливой, и поэтому Ассоль молча сидела в большом шкафу, слушала через старый кассетный плеер Брамса и лишь изредка выглядывала в щёлочку, чтобы увидеть, как мама оставляет красные следы на чужих щетинистых щеках.

– Возьми себя в руки, – она отвернулась от зеркала, не было нужды проверять собственный внешний вид. Судьба была милостива хотя бы в том, что одарила её миловидным лицом и неплохой фигурой, которая не портилась, благодаря постоянным недоеданиям.

Ассоль оскалилась. Именно оскалилась, и что-то хрустнуло в челюсти. Она подвигала ртом, разминая его, и выглядело это жутко, потому что рот будто бы занял всё её лицо, а глаза оставались испуганными и злыми. Сделав небольшую гимнастику, она наконец улыбнулась. Улыбнулась своей самой нежной улыбкой. Она знала, что выглядит чудесно. И всё же, прежде

чем открыть дверь во внешний мир – шумный, пьяный и пугающий, сжала руки в кулаки, почувствовала, как ногти врезаются в ладони, и только после этого нажала на ручку.

Она не обращала внимания на парней, что подпирали стены, держали в руках бокалы и кружки, из которых, хозяева дома наверняка пили не виски, а утренний кофе. Какая-то девчонка едва не пролила на Ассоль пиво, но и это было неважно. Она высматривала в этой куче полуживых тел одного единственного человека.

– Чёрт, да ты шутишь? – его голос прорывался сквозь грохотание музыки. Обычно люди с громким голосом кажутся истеричными и нервными, но Женю Данченко просто было хорошо слышно. Всегда. Он не оставлял людям шанса для того, чтобы не заметить его, при этом никогда не казался ни назойливым, ни шумным. Он являлся таким человеком – большим, уверенным и спокойным.

Он сидел на диване, поджав под себя одну ногу. Рядом с ним полулежала девчонка, юбка которой задралась непроизвольно высоко, а напротив разместилось несколько его друзей. Они обсуждали покупку машины одного из них – парня, покрытого татуировками. Ассоль было всё равно на его имя и статус. Она пыталась сообразить, как вклиниться в беседу, как привлечь к себе внимание.

Несколько человек попытались протиснуться мимо неё, вставшей на проходе, чтобы зайти в комнату.

– Малышка, ну ты отойди, – какой-то парень положил руки ей на талию. Он не хотел ничего плохого, Ассоль понимала, что от него не исходит угрозы. Он был пьян и весел, и явно желал долить в свой стакан чего-нибудь выпить, а не устраивать скандал. И всё же это был её шанс.

Бросив быстрый взгляд на его товарищей, сдавшихся поразительно быстро, опустившихся на корточки и продолживших прерванную беседу, она со всей силы ударила парня под дых, а после сделала подсечку. С грохотом и удивлёнными ругательствами, они рухнули на пол. Парень сверху, Ассоль, успев приподнять голову, чтобы не стукнуться, снизу.

– Отпусти меня, отпусти меня! – она заколотила кулаками по его груди и спине, а ногами – по полу. Ассоль кричала так, будто ей действительно угрожала опасность, но при этом старалась не переходить на ультразвук, не допустить визгливых ноток в голосе.

От парня пахло потом, пивом и дезодорантом Old Spice. Он крепко сжимал запястье Ассоль и возмущённо бормотал какие-то нечленораздельные ругательства. Его тело прижималось к её слишком сильно, и это было мерзко и душливо. Она ждала спасения. Её *обязаны* были вытащить.

– Ну это совсем не по-мужски, так с девушкой обращаться, – добродушный голос сверху дал понять, что всё получилось. Она смогла.

От облегчения, от осознания того, что этот унижительный спектакль был не зря, Ассоль затрясло, и слёзы несколькими аккуратными каплями выкатились из глаз.

Тяжёлое тело оторвали от Ассоль, она резко выдохнула. Парня, который грозно ругался на «чёртову суку», выдворили сперва из комнаты, а после и с вечеринки. Две большие и теплые руки легко приподняли девушку с пола, за подмышки, будто она ребёнок, и измученные глаза Ассоль, полные слёз, столкнулись с его – встревоженными и удивлёнными.

– Всё хорошо? – он задал дежурный вопрос, но Ассоль почему-то показалось, что ему действительно не всё равно.

– Платье порвалось, – наверное, именно из-за добродушной интонации такая искренняя обида прозвучала в её голосе, – оно новое совсем, – добавила лжи для закрепления результата.

Платье действительно удивительным образом порвалось чуть больше, чем то, на что Ассоль рассчитывала. Разрез доходил до самого бедра, ещё пару миллиметров – и покажется бельё. Она смутилась, попыталась прикрыться рукой.

Женя наклонился, чтобы не перекрикивать музыку, которая вновь стала ужасно громкой после того, как люди потеряли интерес к происшествию. Его тёплое дыхание – сигареты и виски, обожгло Ассоль щёку. Она приложила все силы к тому, чтобы не сморщиться от отвращения.

– Пойдём! Поищем, во что тебе переодеться.

Он крикнул своим друзьям, что скоро вернётся, взял Ассоль за руку и вновь повёл на второй этаж.

Шум в её ушах стал невыносимо громким. Оглушительным. Она едва передвигала ноги, спотыкалась из-за каблучков, а Женя, будто и не замечая этого, тащил её за собой.

Дверь, вроде бы ничем не отличающаяся от нескольких других, оказалась заперта. Достав из кармана широких шёлковых штанов, больше похожих на пижамные, связку ключей, Женя быстро её открыл.

– Откуда у тебя ключи? – Ассоль опёрлась спиной о дверь, в то время как спутник прошёл вглубь комнаты. Он не включил верхний свет, только маленький ночник у кровати. Лампа светилась разными цветами – красный, зелёный, голубой, жёлтый, и из-за этого, а ещё из-за адреналина, поднявшегося в крови, Ассоль чувствовала себя пьяной и слабой.

– Это дом моего друга. Я тут всё детство провёл, так что комната – моя. И если чёртову придурку всё равно, что на его кровати кто-то кувывается, то мне – нет, – он улыбнулся.

– Здорово, наверное, иметь такую дружбу, – она говорила искренне. У самой Ассоль друзей отродясь не было, и не потому что она не пыталась их завести. В школе она постоянно предпринимала попытки с кем-нибудь сблизиться, но слухи о семье распространялись быстро. Дети её не любили. Не издевались, нет. После того, как одна девчонка попыталась вылить на Ассоль яблочный сок, она прижала её к стене и заставила обидчицу выпить несколько пачек. Пока девчонку не начало рвать, Ассоль зажимала ей нос, и пихала картонную коробочку с торчащей пластиковой трубочкой прямо в глотку. Она не хотела терпеть издевательства. В школе ей некого было бояться.

– Да это уже не столько дружба, сколько семья, – он протянул Ассоль аккуратно сложенную чёрную майку и чёрные штаны из приятного мягкого материала.

– Ясно, – Женя стоял слишком близко. Она понимала, что сейчас он уйдёт. Подождёт за дверью, пока она переоденется, выведет её из комнаты, закроет дверь и спустится к своим друзьям. А она потеряет шанс.

– Это тебе, чтобы переодеться, – Женя дёрнул рукой, показывая на одежду. В этом жесте пока не было раздражения, но через несколько секунд ему надоест, и всё закончится.

«Думай, думай, думай», – шестерёнки в голове Ассоль закрутились с невообразимой скоростью. «Ладно. Ладно», – она шумно вздохнула, перевела взгляд на Женю.

Бесстрашный. Полный уверенности и силы. Взгляд, которому нельзя было не покориться.

Ассоль взялась потными ладонями за края платья. Потянула его наверх. Мурашками покрылись бёдра, живот, грудь. Стало трудно дышать, когда показалось, что молния запутается в волосах. Обошлось. Она отбросила кусочек чёрной ткани в сторону. Вновь взглянула на Женю.

Он склонил голову чуть на бок, облизал губы. Кадык несколько раз дёрнулся.

«Как я тебе?», – мысленно спросила Ассоль. Она не изгибалась, не пыталась принять сексуальную позу. Стояла, как есть. Плечи чуть сутулые, руки болтаются вдоль туловища, и только нос вздёрнут, чтобы видеть его реакцию. На ней дешёвый чёрный лифчик, с зашитой несколько раз косточкой и неаккуратными кружевами, и обычные хлопковые трусики, какие валяются в огромной куче в Fix Price, и не имеют ни индивидуального дизайна, ни упаковки. Ассоль не притворялась и не играла с ним, интуитивно почувствовала, что женских уловок он видел больше, чем есть у неё в арсенале. И только честность – такая вот обезоруживающая, заставляющая покрываться холодным потом и мурашками, может заставить его её запомнить.

– Как тебя зовут? – Женя отвернулся, положил вещи на стол, прямо под лампу, и они окрасились красным.

– Ассоль, – она осталась довольна тем, как произнесла своё имя: немного хрипло, но не пошло, – Ассоль Добровольская.

– Ты красивая, – банальный комплимент заставил её внутренности сжаться.

– Спасибо.

Он всё ещё стоял спиной к ней, и Ассоль понимала, что сейчас всё решится. Пан или пропал. Она или выиграла хотя бы попытку, или проиграла всё. У неё больше не осталось сил бороться. Она устала и отчаялась. Жизнь оказалась слишком сложной, слишком запутанной, ей больше не хочется. Она попробовала столько горя, что счастье уже не прельщает. Накушалась, нет больше места.

Женя обернулся и подошёл к ней. Заглянул в глаза. Ассоль не знала, что он в них увидел: может отчаяние, может ненависть, может страсть. В темноте трудно разгадать эмоции, у многих и при свете дня не выходит.

Она моргнула, сдаваясь. А он просунул горячие руки ей за спину и расстегнул лифчик.

Они не переспали друг с другом: до сна дело не дошло, он свалил сразу после окончания процесса, чмокнув её куда-то вдоль щеки и назвав Алисой. И уж конечно они не занялись любовью, хотя Ассоль пыталась целовать его и шептать романтические глупости, но быстро сдалась и лишь стонала вполне искренне. А когда деревянная дверь хлопнула, разревелась от облегчения и стыда, и долго пыталась смыть с себя невидимую грязь в душе.

И всё же в ту ночь, пройдя пешком восемь километров, чтобы добраться до своей квартиры, потому что автобусы уже не ходили, а на такси денег не было, Ассоль улыбалась. Было что-то волнующее в том, как хорош был их быстрый секс, как приятно было ни о чём не думать хотя бы десять минут, как здорово было идти домой в тёплой фирменной кофте, а не драном платье, которое давно пора было выкинуть на помойку.

Платье осталось чёрной кучкой под дверью в его спальню. Часть её сомнений осталась валяться там же. Жизнь подкинула Ассоль Добровольской шанс. И она решила взять от него всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.